Конь Петра Великого

Петр Великий и весом был великий, нас троих бы он на весах перетянул. Кони его возить не могли, проедет верхом версты две, три на коне — и хоть пешком иди, лошадь устанет, спотыкается, а бежать совсем не может (а царю ли пешком ходить? — да когда еще до места-то надо пробираться верст двадцать, а коня нет). Вот царь и приказал достать такого коня, на котором бы ездить ему можно было. Понятно, все стали искать, да скоро ли приберешь?

А в нашей губернии, в Заонежье, был у одного крестьянина такой конь, что, пожалуй, другого такого и не бывало и не будет больше: красивый, рослый, копыта с тарелку были, здоровенный конище, а сам — смиренство. Вот и приходят каких-то два человека, увидали коня и стали покупать, и цену хорошую давали, да не отдал. Дело это было зимой, а весной мужик спустил коня на ухожье, конь и потерялся. Подумал мужик: зверь съел или в болоте завяз; пожалел, да что будешь делать, век конь не проживет.

Прошло после того два года. Проезжал через эту деревню какой-то барин в Архангельск и рассказывал про коня, на котором царь ездит. Узнал про коня и мужик, у которого конь был, подумал, что это его конь, и собрался в Питер, не то чтобы отобрать коня, а хоть посмотреть на него. Пришел в Питер, а Питер-то тогда меньше теперешнего Питера в сто семьдесят раз был. Ходит по Питеру и выжидает, когда царь на коне поедет.

Вот и ввдит он однажды, что здоровый человек едет да коне и конь как будто его, посмотрел хорошенько, видит: конь его. Проехал всадник, а он так ничего и сказать не смел, — да и что царю скажешь? А уж так и полагает, что царь ехал. На другой день услыхал, что царь поедет куда-то, стал на такое место, чтобы царя увидать, и стал ждать. Вот и едет на том же коне, только человек еще выше ростом и здоровее того человека, который вчера проехал. Посмотрел на коня, да что глядеть: конь его, да и только. Жалко стало коня, и захотелось ему попробовать, нельзя ли отобрать коня у царя. И стал он наведываться, кто бы ему пособил в этом. Были и тогда люди, да прошения писать не смеет никто, надо подать его царю, а на кого? Но нашел наконец человека-крючка, и тот написал ему прошение в таком роде: «Милостивый император, царь-государь! Я при самом Боге и при царе вора поймал. Разреши, царь — красное солнышко,

мое дело!» С таким прошением и стал подкарауливать, когда царь поедет.

Едет однажды царь, и на его коне; он перед самым конем стал на колени и наклонился лицом до самой земли. Царь остановился.

— Встань! — крикнул государь громким голосом. — Что тебе нужно?

Мужик встал и подал прошение.

Взял прошение царь, тут же прочитал его и говорит:

— Что же я у тебя украл?

— Этого коня, царь-государь, на котором ты сидишь.

— Ладно, — говорит царь, — я поеду вперед, дело у меня нужное есть, а ты стой тут и жди; когда я назад поеду, ты крикни коня, как звал ты его дома. — И уехал.

Немного погодя едет царь, поравнялся только с мужиком, а мужик и крикнул: «Кари, Карюшко!» Конь остановился, повернулся головой к мужику и стоит поперек дороги; мужик к коню, а конь к нему, и стал мужик у коня морду рукой гладить и шею почесывать, а конь к нему ласкается и морду ему на плечо положил. Петр Великий слез с коня, смотрит на коня с мужиком, а мужик уж плачет.

— А чем ты еще можешь доказать, что конь твой? — спросил царь.

— Есть, царь-государь, приметы, он у меня двенадцатикрестный, насечки в копытах есть.

Приказал царь посмотреть, и действительно, в каждом копыте в углублениях вырезано по три больших креста. Видит царь, что правду говорит мужик. Расспросил все у мужика, узнал, что у мужика коня украли и ему продали. Отпустил мужика домой, дал ему за коня восемьдесят золотых и еще подарил немецкое платье. Так вот, что в Питере памятник-то есть, где Петр Великий на коне сидит, а конь на дыбах, так такой точно конь и у мужика был.

Когда была война со шведами, то Петр ездил на этом коне. Раз шведы поймали нашего генерала и стали с него с живого кожу драть. Донесли об этом царю, а он горячий был, сейчас же поскакал на коне, а и забыл, что кожу-то с генерала дерут на другой стороне реки, нужно Неву перескочить. Вот чтобы ловчее было скок сделать, он и направил коня на этот камень,

который теперь под конем, а с камня думал махнуть через Неву, и махнул бы, да Бог его спас. Как только хотел конь с камня махнуть, вдруг появилась на камне большая змея, как будто ждала, обвилась коню в одну секунду кругом задних ног, сжала ноги, как клещами, коня ужалила — и конь ни с места, так и остался на дыбах. Конь этот от укушения змеи и сдох в тот же день, Петр Великий на память приказал сделать из коня чучело, а после, когда отливали памятник, то весь размер и взяли из чучела.

(Зап. в Олонецкой губ. на р. Свирь.)

Северные предания, (Беломорско-Обонежский район) / Изд. подгот. Н. А. Криничная. Л., 1978.